

человеку значительного казенного пособия, хотя бы и был высокого мнения о «Якутском словаре»...

Чтобы как-нибудь попытаться выйти из этих затруднений и недоумений, не дозволите ли мне Ваше Императорское Высочество обратиться от моего имени с письменным официальным запросом в департамент полиции о том, не встречается ли с его стороны препятствий к определению Пекарского на государственную службу на такую-то должность при таком-то музее. Если — что всего, конечно, вероятнее — ответ получится тождественный по своему существу с письмом министра, то Пекарскому придется остаться в положении служащего при музее по найму. Но, может быть, департамент, сообразив или сомнительность прежних своих сведений, или противоположность им сведений за последнее время, или свойства той должности, о которой идет речь, даст ответ, благоприятный для Пекарского. В таком случае имелось бы достаточное основание для его определения и на государственную службу»⁴¹⁶. Под нажимом Никитина изменил свое мнение и осторожный Константин Константинович. На полях письма Никитина есть его карандашная пометка: «С Вашими, Петр Васильевич, доводами вполне согласен и прошу вас снести с департаментом Полиции, ссылаясь на значение, придаваемое трудам Пекарского Якутским губернатором»⁴¹⁷.

Ответ на запрос Никитина был получен положительный. В доверительном письме исправляющего должность директора департамента полиции от 11 октября 1912 г. на имя Радлова сказано, что министр внутренних дел «в виду давности революционной деятельности, погашенной высочайшим помилованием Пекарского, и позднейших научных его трудов, удостоенных внимания Императорской Академии наук, а также аттестации Вашей, не изволил встретить со своей стороны препятствий к определению на службу во вверенном Вашему превосходительству музее»⁴¹⁸. В Академии наук Пекарский продолжил свои занятия этнографией и фольклором якутов и эвенков. В 1927 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1931 г. — ее почетным членом.

*Постоянная комиссия для пособия нуждающимся
ученым, литераторам и публицистам*

Как мы старались показать, отношение Академии наук как государственного научного учреждения к «основам» существующего строя в на-

⁴¹⁶ Полностью опубли.: *Соболев В. С.* Августейший президент. С. 151–153.

⁴¹⁷ Там же. С. 154.

⁴¹⁸ ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 305. Л. 1.

чале XX в. в целом оставалось лояльным. Академия наук не без воздействия со стороны вице-президента усвоила себе за правило избегать острых конфликтов с правительством, не разрушать Академию демонстративными отставками. Хотя и не всегда последовательно, Академия придерживалась принципа невмешательства в общую политику. Тем не менее участились нападки на Академию наук со стороны правой прессы. Поводами для газетной травли служили: печатание в академических изданиях статей на украинском языке (1907 г.), вопрос о согласии Академии принять рукописи умершего писателя Л. Н. Толстого, неприязненная встреча депутации правых на Ломоносовском юбилее в 1911 г., отказ Академии принять завещанный кем-то из «истинно русских людей» капитал для присуждения премии за сочинение о вреде социализма.

Критике подвергалась деятельность Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, фактическим руководителем которой с 1900 по 1909 г. был Никитин. Еще 13 января 1895 г. Николай II ассигновал 50 000 руб. на благотворительную помощь литераторам и ученым и обязал созданную при Академии наук Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам распределять эту ежегодную дотацию⁴¹⁹. Это решение было принято по инициативе вел. кн. Константина Константиновича. Таким образом, комиссия была государственным учреждением, и ее основные средства поступали из Государственного казначейства, хотя не исключались и частные пожертвования. В 1895 г. Академия наук приняла «Временное положение» о комиссии и «Временные правила», регламентирующие ее деятельность. Правила оставались временными вплоть до закрытия Постоянной комиссии в ноябре 1917 г. В 1907 г. обсуждался проект передачи Постоянной комиссии в ведение Отделения русского языка и словесности и Разряда изящной словесности, которые были ближе знакомы с современным литературным движением, чем другие два отделения, но этот план не нашел поддержки у президента Академии наук⁴²⁰.

В состав комиссии входили два действительных члена Академии, избранные Общим собранием сроком на два года⁴²¹, и два человека, приглашенные к участию в комиссии президентом Академии из числа известных

⁴¹⁹ В это время продолжал свою деятельность основанный в 1859 г. Литературный фонд. Фонд не был профессиональным союзом, это была общественная благотворительная организация, собиравшая и распределявшая средства для помощи нуждающимся литераторам и ученым.

⁴²⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 29. Л. 75.

⁴²¹ С 1909 г. в комиссию стали приглашать двух выборных членов и одного кандидата от Разряда изящной словесности.

русских писателей, сроком на один год⁴²². В 1902–1903 гг. в комиссии заседал Ф. Д. Батюшков, знакомый с литературной братией и по собственному участию в журналистике и по деятельности в комитете Литературного фонда. В 1905 г. он был вновь приглашен в состав комиссии, несмотря на то, что накануне объявил редактируемый им журнал «Мир Божий» органом социал-демократического направления. В комиссии Батюшков проявил себя как человек, способный не подчинять дело благотворения каким-нибудь личным или партийным симпатиям или антипатиям. Постоянным полезным участником комиссии был Э. Л. Радлов. Благодаря своей деятельности в Литературном фонде он знал большинство клиентов Постоянной комиссии⁴²³. В 1909 г. в лице князя Э. Э. Ухтомского, редактора «С.-Петербургских ведомостей», в составе комиссии был представлен правый фланг газетной прессы. С 1899 по 1908 г. исполнение обязанностей председателя комиссии возлагалось на вице-президента, а непрменный секретарь являлся товарищем председателя.

Комиссия обычно заседала один раз в две недели, за исключением вакационного времени, в течение которого она собиралась по мере надобности. Комиссия оказывала помощь в виде пенсий и временных пособий «лицам, посвятившим свои дарования и усиленные труды служению Государю и Отечеству на поприщах науки, словесности и повременной печати»⁴²⁴, а также их вдовам и сиротам. Число прошений, поступавших в комиссию ежегодно, приближалось к 600. Единовременные пособия (в среднем по 50 руб.) получали ежегодно около 250 человек, рассроченные пособия (в среднем по 200 руб.) — 87 человек, пенсии имени Николая II (по 400 руб.) — 50 человек. Нередко дополнительную помощь нуждающимся оказывал из своих личных средств Константин Константинович. Например, в 1913 г. Никитин ходатайствовал перед ним об оказании помощи вдове ученого грека, византиниста А. И. Пападопуло-Керамевса⁴²⁵.

⁴²² Кроме членов в комиссию входили кандидаты: по одному от академиков (сроком на два года) и от писателей (сроком на один год); порядок их избрания был тот же, что и основных членов. Кандидаты приглашались на совещания комиссии в случае отсутствия кого-либо из ее членов.

⁴²³ Там же. Д. 32. Л. 23–23 об.

⁴²⁴ § 6 «Временных правил для руководства состоящей при Императорской Академии наук Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам».

⁴²⁵ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 47 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 19.10.1913. В комиссию поступали подчас и комические просьбы. В 1907 г. поступило прошение некоего нижегородского почтового чиновника Косткина. Состоя 29-й год на службе, он просил об исходатайствовании ему увольнения в отставку с усиленной пенсией, которая дала бы ему возможность на досуге поучиться в университете, а потом —

Отчет о деятельности Постоянной комиссии печатался ежегодно и прилагался к отчету Академии наук. Всем желающим его получить он раздавался на Академическом акте 29 декабря и в более или менее подробных извлечениях появлялся во многих, если не во всех петербургских газетах.

Деятельность комиссии была постоянной мишенью для нападок журналистской публики. 12 мая 1906 г. в газете «Новое время» кн. М. Н. Волконский поместил статью «Бесконтрольно расходующиеся 50000 руб. ежегодно». Автор упрекал комиссию за то, что она действовала на основании «временных» правил и не собралась «выработать что-нибудь постоянное», что состав ее «чисто чиновно-ученый». Комиссия, по мнению кн. Волконского, желала помогать только «попрошайкам», неудачникам и бесталанным, «литературные упражнения которых взяла на себя поощрять наша Академия»⁴²⁶. Как оказалось, автор статьи сам заявил желание получить пособие рублей в 300»⁴²⁷, но ему отказали. *Inde irae!* Член комиссии Э. Л. Радлов, против которого были направлены упреки кн. Волконского, выразил желание покинуть ее.

«Проведение принципов терпимости и беспартийности, чем оно последовательнее, тем чаще должно будет, при все возрастающей среди наших литераторов партийной нетерпимости, навлекать на деятельность комиссии укоры»⁴²⁸, — с горечью констатировал Никитин в 1908 г., по поводу статьи «Казенные субсидии левым журналистам», опубликованной 12 ноября в газете «Русская земля». Автор статьи, скрывший свое имя под псевдонимом Славянин, обвинял комиссию в партийной пристрастности, в том, что ее средства расходуются для поддержания исключительно «левых писак». В комиссии, по его мнению, было принято за правило не выдавать субсидии журналистам, работающим в газетах правее «кадетских». Объяснял он это тем, что состав правительственной комиссии, за исключением кн. Э. Э. Ухтомского, — «кадетский». «Как говорят, сам председатель комиссии, вице-президент Академии наук г. Никитин — ярый „кадет“, а потому и не терпит умеренных и правых. Чтобы получить субсидию, вы должны назваться жидом и участником какой-нибудь разбойничьей газеты.

занияться «описанием некоторых пережитых им важных исторических эпох». Эта просьба даже не была доложена комиссии. См.: Там же. Д. 29. Л. 41 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 6.06.1907.

⁴²⁶ Там же. Д. 28. Л. 78–78 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 12.05.1906.

⁴²⁷ Там же. Л. 79 об.–80.

⁴²⁸ Там же. Д. 30. Л. 72–72 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 17.11.1908.

Тогда дело ваше в шляпе. Не мешало бы правым членам Думы вспомнить об этой комиссии и выяснить это вопиющее злоупотребление».

В ответ на эти выпады Никитин писал: «Комиссия не претендует на непогрешимость, а всякое, хотя бы и очень злобное напоминание о возможности ошибки, должно быть охотно принимаемо тем, кто искренне желает пореже ошибаться»⁴²⁹. Никитин просмотрел дела названных в статье «жидовских писака, существующих на средства комиссии»: репортеров Гринберга, Василевского и Ивинского. Оказалось, что никто из них больше 55 руб. в год не получал. Никитин нашел указания на то, что каждый из них сотрудничал в нескольких периодических изданиях, установить же политическую окраску выходивших в то время в России газет было не всегда легко. На одного лишь из членов комиссии, именно на редактора «С.-Петербургских ведомостей» кн. Ухтомского г. Славянин не решился распространить обвинения в «кадетстве». В самом деле, «С.-Петербургские ведомости» едва ли кто-нибудь мог причислить к органам «левым». Каждый из упомянутых в статье журналистов какое-то время сотрудничал и с этим изданием. «Положим, — рассуждает Никитин, — что Комиссия признала бы своей обязанностью помогать только литераторам «правых» направлений, но как тогда ей быть с теми, которые сотрудничали в изданиях и «правых» и «левых»? Как казалось бы, в деле милосердия нужно было бы из двух фактов противоположного значения давать перевес тому, который говорит в пользу просителя»⁴³⁰. Рассуждения Никитина привели его к такому выводу: «Средство окончательно избавить Академию от хлопот из-за комиссии могло бы, мне думается, быть одно: пусть бы литераторы образовали профессиональный союз и в его распоряжение получили капиталы комиссии. Боюсь только, что от такой перемены всего больше проиграли бы правые»⁴³¹.

В 1909 г. вице-президент и непреременный секретарь настояли на том, чтобы их наконец освободили от обременительной обязанности быть руководителями комиссии. С этого времени председатель комиссии и его товарищ стали избираться ежегодно самой комиссией из числа действительных членов Академии и почетных академиков, принадлежащих к составу комиссии⁴³².

⁴²⁹ Там же. Л. 70.

⁴³⁰ Там же. Л. 71.

⁴³¹ Там же. Л. 72 об.

⁴³² Протоколы заседаний ОС. № 11. 13 декабря 1908 г. § 205; № 1. 10 января 1909 г. § 19.